

УДК 929

doi: 10.17223/26188929/10/5

*Дмитрий Дробышевский*

## ПО УЛИЦЕ МОЕЙ КОТОРЫЙ ГОД...

Статья посвящена Личности Виталия Вячеславовича Сотникова – личности ушедшего от нас Мастера, оставившего миру целый ряд своих творческих достижений и начинаний. Зная его заслуги на обширном поле профессиональной деятельности, помня его как великого Музыканта, обратим внимание на человеческие грани его исторической фигуры. Недаром автор называет свою статью письмом. Такой взгляд является ценным для ряда биографических сведений: зачастую таких данных недостает людям при изучении жизни и творчества мастеров искусства.

*Ключевые слова:* мастер, личность, человеческая жизнь, память.

*«По улице моей который год  
звучат шаги – мои друзья уходят.  
Друзей моих медлительный уход  
той темноте за окнами угоден...»*

Б. Ахмадулина

Раньше всегда что-то происходящее вокруг вызывало рефлексию. В раннем пеленочном детстве – требовательный рев, затем детсадовские обиды, радости и хитрости, богатство словесных и иных форм коммуникации школьных лет. Влюбленность, новые места и впечатления, изменения в молодой жизни – они взрывались изнутри сотнями совершенно ужасных стихотворных строчек, требовавших немедленного выхода наружу, на бумагу. И ведь не уснешь, пока не напортишь пару листов. Зато напортил – и все, свободен, иди спать! Лежали потом эти листочки, аккуратно свернутые, в каком-нибудь затхлом месте, желтели и протирались на сгибах, путешествуя из молодости в зрелость, из эпохи в эпоху, из века в век... Щелкал счетчик, отмерявший очередную восстановленную в нашей окружающей RPG-ходилке жизнь, но уже с нача-

лом совсем не в детстве и даже не в юности – и на входе в следующую точку восстановления листки пропадали, истаивая во времени.

Процесс с годами приобрел какие-то желчно-публицистические оттенки, презрев поэзию. Хотя такие сильные потрясения, каким для меня стала смерть отца, вызывали забытый метроном в голове, который отмеривал ритмом и болью новые строки. Но чаще всего теперь хочется сесть и написать просто письмо, письмо какому-то воображаемому другу. Другу, который ждет его и даже немного сердится, что давно не получал – и который прочтет его жадно и со вниманием ко всему, что тебя тревожит или радует, к твоим мыслям и чувствам. Время соцсетей и мессенджеров не предполагает больше ничего такого в нашей жизни. Короткие сообщения, смайлы, стикеры, привет, пока. Да и поводы для таких писем все больше печальные или страшные. На дворе время, когда уходят не только те, которые были старшими наставниками, – но и те, кто сидел с тобой за одной партой жизни. Все чаще. И очень хочется как-то это не то чтобы остановить, но хотя бы замедлить немного, хотя бы вспомнить все поподробнее – как оно было, какими они были и что для тебя сделали – а ты для них. И как вы увиделись в первый раз, и как – в последний. И все огромное, что было между – а там был Человек и была дружба...

Я сегодня пишу тебе письмо, дорогой мой друг, о большой потере. Потеря эта велика не только для меня, но и для многих людей, живущих со мной в одном городе. Многие потеряли внимательного и строгого учителя, который вывел их на новый уровень, новую орбиту существования. Многие потеряли соратника, неутомимого и яростного бойца, боровшегося с ними вместе за их большое и важное общее дело. Ушел любимый дедушка, отец, муж. Ушел друг. Я пишу о Виталии Вячеславовиче Сотникове. В конце ноября двадцатого високосного года его не стало. Не хочу вдаваться в подробности его смерти, в год слепого торжества коронавируса над людьми любой из нас может рассказать много страшного и неприемлемого, немыслимого еще несколько месяцев назад... Он ушел.

Он не был моим другом. Мои родители дружили с ним, они дружили семьями, много лет. Причем дружили так, что трудно было припомнить выходные дни, когда они не встречались – а зачистую и в будни вечером звенел телефон – начиналась импровизированная вечеринка. Сотниковы были мне родственниками, по

крайней мере я их так в своем детстве воспринимал, практически родней. Да и видел чаще иной родни. Молодые, в самом расцвете сил, возможностей и амбиций, мои родители и их друзья широко шагали по жизни и так же широко дружили. У каждого были свои трудности и успехи, которыми они делились, огорчались и радовались, поддерживая друг друга. А под ногами крутились дети, играли, ссорились, мирились, участвовали по мере сил во всех взрослых развлечениях и делах.

Из чего состоит человек? Как мозаика, он складывается из каких-то воспоминаний о том, что он сказал или сделал, а иногда это просто картинка, сценка – и без нее нет цельного портрета. «Тролля, фу! Ну-ка, не трогай ребенка!» – Виталий Вячеславович строго пеняет своему молодому эрдельтерьеру, вознамерившемуся отведать меня на вкус. А самому смешно то, что я побаиваюсь Тролля, его размеров и кипучей активности. Тролля тоже смешно – это я теперь, через годы понимаю. Они оба блестят глазами из-под кустистых бровей и прячут в пышных усах снисходительную улыбку. Я всегда побаивался собак, как-то в раннем детстве напугался собаки, что ли. И это была первая собака, примирившая меня с семейством *Canis lupus familiaris*. Я помню железные советских времен санки, на которых сажу я с Ксюшей Сотниковой – а спереди длинной шлейкой запряжен Тролля. Он несется как снегоход по Потаповым лужкам, отстающими параллельными курсами бегут на лыжах наши родители – но не особенно стараются, так как известно, что Тролля скоро вывалит нас в сугроб. Так уж у него заведено. А мне велено, как старшему по команде, придерживать Ксюшу, дабы падение не стало катастрофой – хотя какая разница, в каком порядке вылетать в снег? Потом привал, термосы с чаем, самые вкусные в мире бутерброды не помню с чем. Тролля тоже достается это «не помню что», а еще после чая надо собрать ледышки у него с бороды и усов, с лап на пальцах, чтобы он не поранился... Я так и не полюбил собак. Но научился понимать их и быть с ними благодаря Виталию Вячеславовичу.

А еще научился кое-чему о музыке. Конечно, во взрослой жизни я бывал на концертах капеллы ТГУ под его руководством, слышал то невероятное, за которое он так ценил и любил музыку с большой буквы. Но я сейчас не про эту музыку. Во времена больших катушечных пленочных магнитофонов, когда любители переписывать

друг у друга песни Высоцкого эпично бились за то, какая пленка лучше – «Тасма» или «Свема», на просторы страны неумолимо вползала совсем другая музыка и появлялась пленка «Agfa». Чего только не слушали мы тогда, и основным из доказательств везения было то, что ты раздобыл запись на иностранном языке и с ритмической основой около 120 ударов в минуту. Победное шествие диско по СССР можно сравнить разве что с весенним половодьем. Паводок, как известно, часто несет в себе и откровенную пададь... А Виталий Вячеславович как хороший музыкант знал один секрет. Он научил меня, что раз уж ты все равно не понимаешь, о чем там поют, – слушай, как играют. Насколько богата музыка, мелодична, приятна слуху. Насколько хорош вокал. Наслаждайся ощущениями красоты! И так из моей фонотеки выпали простые бум-бум-бум с однотонными кошачьими завываниями – и вошла музыка посложнее и намного красивее. Виталий Вячеславович, например, выделял в те годы группу «АББА» – да что там, он просто любил ее. Полюбил и я. И люблю до сих пор.

Вообще музыки в дружбе наших семей было с избытком. В те счастливые времена по радио и телевизору можно было послушать «Вестник села», посмотреть «Утреннюю почту» и... и все почти. Ну, и много симфонической музыки, конечно. Бывал часок «Ритмов зарубежной эстрады», были передачи типа «Кабачок 12 стульев» из смешного и глубоко ночью с 31 декабря на 1 января были совсем богатые музыкальные передачи. Поэтому дружеские вечеринки обычно не отягощались средствами масс-медиа, и люди развлекали себя как могли. У нас это были всяческие застольно-настольные игры, вкусная еда, хорошее вино (детям не выдавалось) и пение. Пелось всякое, русское народное, популярное, академическое – благо, обделенных талантами не было. Было много смеха и веселья. Эта атмосфера теплого дружеского праздника остается навсегда у человека, ощутившего ее хоть раз в жизни. Сейчас я отчетливо понимаю, как сильно мне ее не хватает. Но я помню ее, а ведь множество людей, наверное, ее и не знало? Не завидую им.

Жизнь тогда вообще приучила не завидовать. Нечему было, собственно. Все мы жили примерно одинаково, и уровень потребления никогда не стоял во главе угла. Основным глаголом в отношении множества благ – а зачастую, и совсем простых вещей – служило слово «достать». Доставали все – чешский хрусталь на

праздничный стол, копченую колбасу, билеты в театр, интересные книги, новые пластинки... Оооо! Как будоражил этот запах только что купленной книги, этот чувственный типографский аромат! А как горели глаза, и руки осторожно, благоговейно вынимали из красочного конверта виниловую пластинку! И, пока играла эта пластинка, конверт следовало сладострастно разглядывать, читать до самой мелкой буковки в самом нижнем углу с обратной стороны... При этом все добытое не было предметом какого-то поклонения, книгами обменивались с друзьями и знакомыми, сервиз легко могли дать попользовать на торжество, пластинки ходили кругами из дома в дом. Колбасу тоже не ели сами – а нарезали только к гостям, что характерно. Щедрое время. Тот же Виталий Вячеславович как-то побывал аж в Мексике... он привез оттуда новые пластинки «АББА», которые выглядели на фоне изделий фирмы «Мелодия» как горящий огнями звездолет на фоне трактора «Беларусь». Я же-вал подаренную иностранную жвачку, держа под мышкой купленную им же для меня коробку с гэ-дэ-эровской моделью самолета – и с тоской глядел на это нечеловеческое музыкальное богатство. Учился завидовать в тот момент? Пробивающиеся ростки темных чувств втоптал в землю Виталий Вячеславович: «Хочешь взять послушать? Бери, только постарайся аккуратно!».

Он был щедрым человеком. Не только в мелочах, вроде того ви-нила, который в конце концов я же и заездил на своей радиоле. Во всем. Я так думаю, что те видимые проявления его щедрости, готовности отдать близким своим самое ценное – они проистекали из щедрости и красоты его души. Но в детстве редко думают о душе. Зато дети очень хорошо без объяснений и без лишних слов чувствуют таких людей и тянутся к ним. Хотя он старался выглядеть строгим человеком. И, надо сказать, у него это здорово получалось, когда было нужно... Но в моей жизни он строжился в основном только на своих собак. И то... «Троль, фу! Ну-ка, не трогай ребенка!»... Вообще он был человек удивительно интеллигентный во всех своих проявлениях. Не припомню от него ни одного соленого словца, хотя видел всю эту компанию в разных стадиях веселья. Вот веселиться он любил! Помню, у нас дома веселье начиналось иногда с моей детской комнаты – там отец под письменным столом хранил двадцатилитровую бутылку с вызревающей к новогодним праздникам рябиновой настойкой. В те времена не было органов

опеки. Пока Елена Григорьевна с Галиной Михайловной организовывали что-то вкусное на столе в гостиной, снуя между нею и кухней, ко мне в комнату вдруг входили ответственные за вызревание Владимир Николаевич и Виталий Вячеславович. Я уже знал примерный сценарный план дальнейшего. «Виталья, посмотри, цвет-то меняется! Попробовать, что ли?» – говорил отец, присаживаясь у бутылки и вытягивая на свет какую-то резиновую трубочку, погруженную в отдельную баночку. «Отчего же нам не попробовать, Вольдемар?» – соглашался улыбающийся Виталья, присаживаясь на корточки рядышком... При этом всем никогда я не видел их пьяными, только сильными и веселыми людьми.

Отдельной частью веселья была хорошая еда. Нет, хорошая – это какое-то не такое слово. Еда была просто волшебной! Во времена, когда мне было еще ой как далеко от посещения ресторанов, я уже познакомился с разнообразнейшими блюдами, кардинально не похожими на ассортимент школьных столовых. Апогея эта гастрономическая вакханалия достигала обычно в новогодние праздники, аккурат к созреванию настойки. Изготавливалась и скармливалась гостям не одобряемая мною утка по-пекински, конкуренцию ей составлял нахальный огромный гусь, фаршированный яблоками и окруженный печеным картофелем; чудесные зразы интриговали богатым внутренним миром, сдобренные картофелем-пюре с нежнейшим соусом. Количество всевозможных салатов было таково, что могло обеспечить один полувзвод солдат сытным питанием на период с 1 по 5 января как минимум. В качестве легкой закуски также предлагался фирменный капустный пирог Елены Григорьевны, тончайшая корочка и непередаваемый вкус и аромат которого иногда мне снятся до сих пор. Всяческие овощные и грибные маринады и соленья стояли на столе угрюмыми рядами, отчетливо понимая свою бесперспективность на фоне основных блюд – и рассчитывая едино лишь на рюмочку водочки в руках гостя, которую он вдруг решит сопроводить каким-нибудь грибочком. А потом прогулка! Вернее, никакая это не прогулка, а настоящие гуляния – когда все выходили на улицы не для того, чтобы бабахнуть китайской петардой в окно многоэтажки или рывком добежать до бесплатного салюта и назад – а чтобы поздравить друг друга, попеть песни, покататься на горках, посмеяться и поплакать вслед уходящему году и навстречу новому. После домой, тереть обморожен-

ные щеки, пить чай с тортом «Наполеон», есть второе фирменное от Елены Григорьевны – эклеры, и еще лет тридцать не знать, что такое ЗОЖ.

«Куда-то ты уклонился, – скажет мне мой друг и читатель, – а где же тут уже Виталий Сотников?». А он в этом всем был везде. Был в этой веселой компании и был самой этой компанией, без него бы не была она такой. Он был вообще многогранным человеком. Помню, как я проникся к нему каким-то особым детским уважением, узнав, что он настоящий байкер – у него был мотоцикл «Java» и всякое приличествующее из одежды и он даже ездил на нем не просто покататься, а далеко в неведомый мне Саранск... Это было круто и больше таких людей я не знал, кроме отчима моего друга Валерки, который ездил на мотоцикле «Урал» с коляской на мичуринский. Я как раз и рассказываю тебе сейчас, мой далекий друг, о том человеке, которого может быть не знали и не видели другие люди – и которого знал и видел и буду помнить я. Буду помнить не только его одухотворенное лицо с дирижерской палочкой – но и растерянный вид с рубанком, когда они вдвоем с моим отцом изобретали какую-то книжную полку... Или как он учился мелко шинковать капусту на нашей кухне, а вокруг были все мои близкие и стояла бочка, которую следовало правильно заполнить и кушать в две семьи всю зиму... Виталий Вячеславович Сотников – это один из кирпичей фундамента моей жизни. Одна из тех внутренних опор человека, которые постепенно рассыпаются, уходят – и когда они все уйдут, ничего не станет отделять его больше от смерти. Чем больше в жизни мы повстречали таких людей, оставивших радостный, благословенный след в нас, – тем дольше сопротивляемся хаосу.

А он вообще не желал поддаваться хаосу. В одну из последних встреч с ним мы долго обсуждали достоинства и недостатки имеющихся на рынке новых автомобилей. Он хотел купить машину и сесть за руль, чтобы было полегче ездить в университет, чтобы «с Леной ездить на природу»... Я не понимаю и никогда не пойму почему, на каком основании эта деятельная творческая жизнь обрывалась. Сегодня 9 дней от его ухода. Я неважный православный и почему-то вместо молитвенного поминовения правильными словами все эти дни я соскальзывал в воспоминания о том, каким был этот человек для меня. Я надеюсь, Бог примет эти мои светлые

воспоминания как просьбу о прощении, о получении радости и утешения его душою. Я и дальше буду помнить и поминать его, потому что он – часть моей жизни. Прошу прощения что я, быть может, написал сегодня больше о себе, чем о нем. Это потому, что он – часть моей жизни. Но у него много таких, как я! Тех, чья жизнь неразрывно с ним сплелась. Так что, дорогой мой друг, если ты тоже знал его – помолись о нем. О том, каким он был именно для тебя. Вот и все, о чем я хотел тебя попросить в своем затянувшемся письме.



**Dmitry Drobyshevsky**

**MY FRIENDS ARE LEAVING...**

*Musical almanac of Tomsk State University*, 2020, no. 10, pp. 33–40. doi: 0.17223/26188929/10/5

The article is devoted to the Personality of Vitaly Vyacheslavovich Sotnikov - the personality of the Master who left us, who left to the world a number of his creative achievements and beginnings. Knowing his merits in a vast field of a professional activity, remembering him as a great Musician, let us pay attention to the human facets of his historical figure. No wonder the author calls his article a letter. This view is valuable for a number of biographical information: people often lack such data when studying the life and work of masters of art.

*Key words:* master, personality, human life, memory.